

УДК 343.126.2

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-4-361-366

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ

Титова К. А.

Краснодарский университет МВД России

В статье рассматриваются актуальные вопросы эффективности применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. Автор на основе изучения юридической литературы, судебно-следственной практики проводит анализ эффективности применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, акцентирует внимание на спорных вопросах, требующих особого внимания.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, меры уголовно-процессуального принуждения, меры пресечения, несовершеннолетние подозреваемые, обвиняемые, домашний арест, запрет определенных действий.

Проблема применения мер пресечения к таким участникам уголовного процесса, как несовершеннолетние, с учетом того, что уголовное судопроизводство в отношении них обладает определенной спецификой, обусловленной повышенной их защитой, по-прежнему, остается в центре внимания практиков.

На практике несовершеннолетние подозреваемые и обвиняемые достаточно часто нарушают избранные в отношении них меры пресечения, однако применить к ним более строгую меру пресечения, например, заключение под стражу, удастся не всегда. Законодательно предусмотренная возможность устанавливать запреты в виде отдельной меры пресечения, в том числе, и для несовершеннолетних – это на наш взгляд, положительное нововведение [6, с. 244].

Рассмотрим, какие положительные аспекты присущи мере пресечения – запрет определенных действий, в случае применения ее к лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста.

В первую очередь, она позволяет оградить несовершеннолетних от общения с теми лицами, которые оказывают на них пагубное влияние, в особенности, если эти лица – взрослые соучастники преступления. Кроме того, можно и избирательно установить лишь один запрет, например, использование сети Интернет, если определено, что именно такая деятельность может негативно влиять на несовершеннолетнего. К примеру, вполне обосновано такое ограничение в случае совершения несовершеннолетним приобретения либо сбыта наркотического средства посредством глобальной сети, а также во многих других случаях, например, при вовлеченности несовершеннолетнего в совершение преступлений экстремистской направленности с использованием телекоммуникационных технологий [7, с. 32].

Конечно, указанные запреты могли налагаться и на несовершеннолетних при избрании в отношении них меры пресечения в виде домашнего ареста, но здесь необходимо учитывать тот факт, что данная мера пресечения является чрезвычайно

жесткой, второй по строгости, и далеко не всегда имелись основания для ее применения к конкретному несовершеннолетнему лицу.

Обратим внимание на тот факт, что о необходимости установления подобных запретов в отношении несовершеннолетних в научной литературе говорилось неоднократно, предлагались лишь различные способы решения данного вопроса.

К примеру, некоторыми исследователями вносились предложения о том, чтобы в ст. 423 УПК РФ предусмотреть систему ограничений, включив в нее те, которые содержатся в п. «г» ч. 2 ст. 90, ч. 4 ст. 91 УК РФ и ч. 1 ст. 107 УПК РФ [4]. Другими учеными предлагалось законодательно определить отдельные ограничения, которым может подвергаться несовершеннолетний, применительно к отдельным конкретным мерам пресечения, а не рассматриваться в качестве альтернативного дополнения [8, с. 244].

Имелось предложение о том, что на несовершеннолетнего целесообразно накладывать такие ограничения, как запрет посещения определенных мест проведения досуга и иных мест, четко указанных в постановлении об избрании меры пресечения; ограничение на пребывание вне дома после определенного времени суток. По поводу иных ограничений отмечалось, что их применять нецелесообразно по причине невозможности контролировать факт их соблюдения [1, с. 228].

С данной точкой зрения в определенной мере можно согласиться, если обратить внимание на то, что в данном случае включается в иные запреты. Это, к примеру, запрет на общение с определенными лицами; на отправку и получение почтовых, телеграфных сообщений; на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет; на управление автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением ПДД и эксплуатации транспортных средств.

Очевидно, что последний запрет фактически не имеет смысла в силу того, что в основном управление транспортным средством допускается с 18-ти лет, и лишь в некоторых случаях – с 16-ти лет.

Что же касается всех остальных запретов, то, в принципе, представляется, что все они могут применяться к несовершеннолетним при необходимости и наличии соответствующих оснований, в зависимости от конкретных обстоятельств совершенного преступления.

Отметим ранее высказанную позицию Ю.Ю. Ахминовой о том, что было бы целесообразно предусмотреть, что, суд, избирая меру пресечения в виде домашнего ареста, вправе заменить применение аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля присмотром несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, предусмотренным ст. 105 УПК РФ за соблюдением данных запретов [1, с. 228].

Однако, как видим, законодатель пошел совершенно другим путем, предусмотрев возможность избирать новую меру пресечения в виде запрета определенных действий одновременно с такими мерами пресечения, как залог и домашний арест. И здесь, с нашей точки зрения, совершенно необоснованно законодатель обошел вниманием возможность совмещения рассматриваемой меры пресечения с присмотром за несовершеннолетним.

Выше мы уже обозначали свою позицию по поводу того, что было бы целесообразно изменить подход к избранию мер пресечения, не допускающий их совме-

ния, хоть некие шаги здесь и просматриваются, представляется, что возможность совмещения присмотра за несовершеннолетним и запрета определенных действий было бы целесообразным, однако, здесь надлежит учитывать возможности рассматриваемой меры пресечения.

Суть меры пресечения заключается в обеспечении надлежащего поведения лицом, в отношении которого избрана мера пресечения, что свидетельствует о наложении на несовершеннолетнего тех же обязательств, что и предусмотрены ст. 102 УПК РФ при избрании подписки о невыезде и надлежащем поведении. Здесь представляется возможным утверждать, что лицо, исполняющее данную меру пресечения, то есть, то лицо, которое осуществляет присмотр, может налагать на несовершеннолетнего различные ограничения, с помощью которых возможно обеспечение его надлежащего поведения, к примеру, выходить из дома только со взрослым, ограничить доступ к общению в сети Интернет, использовать определенные меры проведения досуга, участвовать в массовых мероприятиях и т.д. В определенной степени в исполнении данной меры просматриваются схожие черты с личным поручительством.

Представляется, что ст. 105.1 УПК РФ, не учитывает специфики несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. В частности, было бы целесообразным предусмотреть для лиц данной категории такие запреты как обязанность продолжить учебу, трудоустроиться.

В связи со всем вышесказанным, представляется вполне обоснованной позиция исследователей о том, что целесообразно предусмотреть возможность одновременного избрания в отношении несовершеннолетних таких мер пресечения, как запрет определенных действий и присмотр за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым). Однако, с нашей точки зрения, решение рассматриваемой проблемы более целесообразно путем предоставления правоприменителю возможности, избирая любую меру пресечения, предусматривать при этом и определенные запреты, и ограничения применительно к каждому конкретному случаю [8, с. 244].

Анализ современных мер пресечения в уголовном процессе позволяет констатировать отсутствие существенных различий их применения в отношении лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста.

С одной стороны, видится позитивным наличие запрета определенных действий, как меры пресечения, которая может использоваться в качестве альтернативы заключению под стражу, с другой стороны – не ясна позиция законодателя, не предусмотревшего определенные запреты, которые было бы целесообразно применять именно к несовершеннолетним, а также допускающего применение данной меры пресечения вместе с домашним арестом, но не допускающего ее применение одновременно с присмотром за несовершеннолетним.

Все сказанное свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования рассматриваемой меры пресечения и особенностей ее применения к несовершеннолетним.

В частности, в ст. 105.1 УПК РФ законодатель предусмотрел сразу несколько запретов, которые существенно отличны друг от друга по своему содержанию. И это влечет проблемы в правоприменительной деятельности, связанные с неоднозначностью решения вопроса о том, возможно ли их раздельное применение. Представляется, что, решая данную проблему, можно сделать следующие выводы:

–данные запреты могут применяться отдельно, поскольку их сущность абсолютна различна;

–необходимо внести изменения в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Данной позиции придерживается и большинство исследователей, при этом, решение вопроса об изменении рассматриваемой нормы предлагается разное.

Так по мнению М.Ю. Юсупова [8, с. 38] необходимо выделить указанные запреты в разные пункты в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Аналогичную позицию занимает и К.Ю. Борзенкова [3, с. 63], по мнению которой требуется расположить запреты, сосредоточенные в п.2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ в разных пунктах указанной части.

С.А. Яковлева и А.С. Кутянина полагают, что нет необходимости в выделении разных запретов в разные пункты, достаточно использовать союз «либо» и изложить данный пункт в следующей редакции «2) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, либо посещать определенные мероприятия и участвовать в них» [10, с. 89].

Также с нашей точки зрения заслуживает внимания и позиция А.В. Кзык о том, что было бы целесообразно предусмотреть открытый перечень запретов, которые возможно наложить на лицо в рамках избрания анализируемой меры пресечения, дополнив ст. 105.1 УПК РФ указанием на возможность суду наложить запрет на совершение подозреваемым, обвиняемым «иных действий» [6, с. 37].

С нашей точки зрения, более верным будет разделить указанные запреты на разные пункты, как это имеет место применительно к закреплению иных запретов, исключив таким образом возможность путаницы и предположения о необходимости использовать их только в комплексе.

Следующая проблема, рассмотренная нами применительно к рассматриваемой мере пресечения – проблема не учета срока соблюдения иных запретов, кроме запрета покидать жилище. В особенности, это касается вопроса о запрете управления транспортным средством. Представляется, что здесь следует поддержать К.Б. Калиновского, которым предложено учитывать срок применения рассматриваемого запрета при назначении наказания, связанного с лишением права управления транспортным средством [5, с. 10].

Также, как уже было отмечено выше, надлежит разрешать проблему отсутствия законодательного запрета на приближение к определенным лицам, а не только к определенным объектам. Здесь совершенно справедливо предлагается О.И. Андреевым, О.А. Зайцевым и А.Ю. Епихиным дополнить запрет общения с определенными лицами, в том числе и защищаемыми участниками уголовного процесса, «запретом приближения к ним на определенное расстояние, обеспечивающее их безопасность» [1, с. 228].

Имеется предложение о том, что следует п. 3 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ целесообразно изложить следующим образом: «3) общаться с определенными лицами, членами их семей и близкими родственниками, а также приближаться к ним на установленное расстояние» [10, с. 89].

Данное мнение, безусловно, является верным, но с нашей точки зрения, здесь имеется один недостаток – для того, чтобы данный запрет был действенным, в каждом случае суд будет вставать перед необходимостью дополнительно к нему, в комплексе, применять запрет, содержащийся в п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ - использовать

средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, в то время как возможно применять более упрощенный порядок, предложенный С.А. Яковлевой и А.С. Кутяниной и изложить п. 3 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ следующим образом: «3) общаться с определенными лицами, в том числе с использованием средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет» [10, с. 89].

В качестве одной из самых основных проблем исследователи в сфере уголовно-процессуального права совершенно справедливо называют такую проблему, как проблему контроля за соблюдением запретов, предусмотренных ст. 105.1 УПК РФ.

Здесь, с нашей точки зрения, совершенно правы Коломыцев А.С. и Меншикова Н.А., которые считают необходимым решение рассматриваемой проблемы путем принятия соответствующего закона, регламентирующего вопросы исполнения рассматриваемой меры пресечения по аналогии с существующим Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [7, с. 5].

Действительно, представляется, что в настоящее время возникла насущная необходимость в принятии такого закона, который должен четко регламентировать основные вопросы, связанные с рассматриваемой мерой пресечения, в частности, «когда, как, при каких обстоятельствах, на какой период времени подозреваемый, обвиняемый или подсудимый могут покидать место постоянного или временного жительства, по которому исполняется домашний арест или запрет определенных действий, и могут ли делать это вообще; возможно ли посещение работы, больницы, поликлиники, детских воспитательных учреждений (если, например, человек один воспитывает нуждающегося в уходе ребенка или ухаживает за больным родственником); в какой период времени возможно покинуть квартиру, дом, дачу и т. п. и на какой срок (например, от одного до шести часов) и т. д.» [7, с. 5].

Необходимость принятия указанного закона не вызывает никаких сомнений, однако, он все же не разрешит всех проблем в правоприменительной деятельности, поскольку необходимо решать и вопросы, связанные с контролем за соблюдением запретов со стороны сотрудников уголовно – исполнительных инспекций. Они могут быть решены исключительно путем внесения существенных изменений в уголовно – исполнительное законодательство в части контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог.

Таким образом, представляется, что именно такой дифференцированный подход даст возможность усовершенствовать механизм избрания конкретных мер пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого, в действительности, обеспечить их надлежащее поведение, безопасность участников уголовного процесса и интересы правосудия.

Список литературы:

1. Андреева О.И., Зайцев О.А., Епихин А.Ю. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 228.
2. Ахминова, Ю.Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования: автореф. дис. канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2017.

3. Борзенкова К.Ю. Проблемные аспекты меры пресечения в виде запрета определенных действий // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых. 2018. Т. 2. С. 63.
4. Глизнуца, С. И. Применение мер пресечения в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.
5. Калиновский К. Б. Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 6. С. 10.
6. Квык А.В. Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 7. С. 37.
7. Коломыцев А. С., Меньшикова Н. А. Домашний арест как мера пресечения и проблемы его применения // Вестник Кузбасского института. 2011. № 3 (6). С. 5.
8. Курочкин Д.А. О применении новой меры пресечения – запрета определенных действий – в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2018. № 4. С. 244.
7. Тройнина И.С. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) при избрании и применении мер пресечения, не связанных с заключением под стражу // Вестник Воронежского государственного университета. 2013. № 2. С.32
8. Юсупов М.Ю. Изменения в системе мер пресечения // Администратор суда. 2018. N 2. С. 38.
- 9 Яковлева С.А., Кутянина А.С. Проблемы соотношения запрета определенных действий с другими мерами уголовно – процессуального пресечения // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 5. № 1. С. 88.
10. Яковлева С.А., Кутянина А.С. Проблемы соотношения запрета определенных действий с другими мерами уголовно – процессуального пресечения // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 5. № 1. С. 89.

Titova Kristina A. Topical issues of the effectiveness of the use of preventive measures against minors suspects and accused persons // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 4. – P. 361-366.

The article deals with topical issues of the effectiveness of the use of preventive measures against juvenile suspects and accused persons. Based on the study of legal literature, judicial and investigative practice, the author analyzes the effectiveness of the use of preventive measures against minor suspects and accused persons, and focuses on controversial issues that require special attention.

Keywords: criminal proceedings, measures of criminal procedure coercion, preventive measures, minor suspects, accused persons, house arrest, prohibition of certain actions.

Spisok literatury:

1. Andreeva O.I., Zajcev O.A., Epihin A.YU. Zapret opredelennyh dejstvij kak novaya mera obespecheniya bezopasnosti lichnosti v ugovolnom processe // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 436. S. 228.
2. Ahminova, YU.YU. Domashnij arest kak mera presecheniya: problemy izbraniya i realizacii na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: avtoref. dis. kand. jurid. nauk. Sankt-Peterburg, 2017.
3. Borzenkova K.YU. Problemnye aspekty mery presecheniya v vide zapreta opredelennyh dejstvij // Pokolenie budushchego: Vzglyad molodyh uchenyh. 2018. Т. 2. S. 63.
4. Gliznuca, S. I. Primenenie mer presecheniya v otnoshenii nesovershennoletnih: avtoref. dis. kand. jurid. nauk. Tyumen', 2011.
5. Kalinovskij K. B. Zapret opredelennyh dejstvij kak mera presecheniya // Ugolovnyj process. 2018. № 6. S. 10.
6. Kvyk A.V. Zapret opredelennyh dejstvij: chto nuzhno znat' o novej mere presecheniya // Ugolovnyj process. 2018. № 7. S. 37.
7. Kolomycev A. S., Men'shikova N. A. Domashnij arest kak mera presecheniya i problemy ego primeneniya // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2011. № 3 (6). S. 5.
8. Kurochkin D.A. O primenenii novej mery presecheniya – zapreta opredelennyh dejstvij – v otnoshenii nesovershennoletnih podozrevaemyh (obvinyaemyh) // Vestnik TvGU. Seriya «Pravo». 2018. № 4. S. 244.
7. Trojnina I.S. Obespechenie prav i zakonnyh interesov nesovershennoletnih podozrevaemyh (obvinyaemyh) pri izbranii i primenenii mer presecheniya, ne svyazannyh s zaklyucheniem pod strazhu // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 2. S.32
8. YUsupov M.YU. Izmeneniya v sisteme mer presecheniya // Administrator suda. 2018. N 2. S. 38.
- 9 YAkovleva S.A., Kutyanina A.S. Problemy sootnosheniya zapreta opredelennyh dejstvij s drugimi merami ugovolno – processual'nogo presecheniya // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. Т. 5. № 1. S. 88.
10. YAkovleva S.A., Kutyanina A.S. Problemy sootnosheniya zapreta opredelennyh dejstvij s drugimi merami ugovolno – processual'nogo presecheniya // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. Т. 5. № 1. S. 89.